

Клара Штайн

Философско-религиозный дискурс о Павла Флоренского : дополнительность

Studia Rossica Posnaniensia 29, 131-138

2001

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС
О. ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО.
ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТЬ

THE PHILOSOPHICAL-RELIGIOUS DISCOURSE OF PAVEL FLORENSKY.
THE ADDITION

КЛАРА ШТАЙН

ABSTRACT. The article describes the philosophical-religious discourse of Pavel Florensky. It analyses the general principle of antinomy which is the base of knowledge at modern times.

Клара Штайн, Ставропольский государственный университет, Кафедра русского языка, ул. Пушкина 1^А, Ставрополь – 355012 Россия.

П.А. Флоренский (1882–1937) – один из последних русских ученых и религиозных деятелей XX века, творчество которого характеризуется энциклопедичностью. Будучи математиком, лингвистом, филологом, искусствоведем, инженером, изобретателем, философом, музееведом, он тем не менее посвятил свою жизнь христианскому умозрению и православной церковности, сохранив до конца жизни универсализм мышления, выбрав путь глобального синтеза научного и религиозного познания.

Метафизика всеединства, в русле которой развивалось философско-религиозное творчество П. Флоренского, связано с осмыслением цельности, единства гармонии бытия – с постижением „единосуция”¹.

Творчество философа характеризуется соединением несоединимого, „дополнительностью” научного и религиозного познания, антиномичностью как глобальным принципом познания истины. В то же время сами сочинения Флоренского дают нам неподражаемые примеры живой диалектики мысли, о чем свидетельствуют антиномично и энциклопедически многопланово построенные работы.

В главном труде П.А. Флоренского *Столп и утверждение истины* (1914), осмысляя 11 главу *Евангелия от Матфея*, где говорится о недостаточности познания рассудочного и необходимости познания духовного, П. Флоренский

¹ С.С. Хорунжий, *О философии священника Павла Флоренского*. В: П.А. Флоренский, *Столп и утверждение истины*, т. I, ч. 1, Москва 1990, с. 14.

демонстрирует характерное для религиозного мировоззрения понимание науки: „Все человеческие усилия познания, измучившие бедных мудрецов, тщетны. Как нескладные верблюды нагружены они своими познаниями, и, как соленая вода, наука только разжигает жажду знания, никогда не успокаивая воспаленного ума”². Науке противопоставляется „благостное иго” Господне и „легкое бремя” Его, полнота всего, по мнению Флоренского, в Иисусе Христе, который дает „уму то, чего не дает и не может дать жесткое неудобноносимое бремя науки”³.

Столы и утверждение истины – название церкви, данное апостолом Павлом (I Тим., 3, 15). Свою работу П. Флоренский интерпретирует как опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. Термин *теодицея* (от греч. *Бог и справедливость*) – „оправдание Бога” – обозначает религиозно-философское учение, стремящееся согласовать идею благого и разумного Божественного управления миром с наличием мирового зла, „оправдать” это управление вопреки существованию темных сторон бытия. *Столы* – теодицея христианского теизма, построенная, на концепции свободы воли человека. К специфическим чертам *Столы* следует отнести то, что Флоренский развивает оправдание Бога как Истины, а не как Блага. Поэтому все обычные вопросы теодицеи рассматриваются не в плоскости *нравственности*, а в плоскости *рассудка и разума*⁴.

Свою книгу Флоренский видел на пересечении философии и богословия, а также современных наук о духе. Метод исследования – вызов игры с познаваемым. „Всякий метод есть ритм, – говорит Новалис, – и постижение реальности есть со-ритмическое биение духа, откликающегося на ритм познаваемого. Иначе говоря, метод познания определяется познаваемым, и в органическом сложении книги говорит органическая же форма его предмета”⁵. И хотя *Столы и утверждение истины* – это своего рода „путевой дневник”, рассказ о пройденном духовном пути, который приводит автора в лоно православной церкви, но это одновременно и научное исследование логических и философских основ познания истины, осмысляемой в качестве символа Вечности „Монограммы Божества”, т. е. в теологическом плане⁶.

Все грандиозное устройство религиозно-философского дискурса Флоренского антиномично обусловлено и иерархически выстроено. *Столы и утверждение истины*, как было сказано, учение о теодицее, которое построено как система текста и метатекстов разных медиальных рангов. Основной текст содержит множество вплетенных маргиналий, в которых рассматривается эти-

² П.А. Флоренский, *Столы и утверждение истины*, указ. соч., с. 13.

³ Там же.

⁴ И. Андроник (А.С. Трубачев), *Из истории книги „Столы и утверждение истины”*. В: П.А. Флоренский, *Столы и утверждение истины*, указ. соч., т. I, ч. 2, Москва 1990, с. 827.

⁵ П.А. Флоренский, *У водоразделов мысли*, Москва 1990, с. 32.

⁶ П.А. Флоренский, *Столы и утверждение истины*, указ. соч., т. I, ч. 1, с. 145.

мология слов, приводятся научные выкладки, например, о формальной логической теории антиномии, даются логические схемы, доказательства. Используются различные шрифты (маргиналии набраны мелким шрифтом), приводятся иллюстративные материалы из разных языков⁷. Тому I *Столп* предпослан II том, который носит сепаративный метатекстовый характер и содержит „разъяснение и доказательство некоторых частных, в тексте предполагавшихся уже доказанными”. По принципу дополнительности в нем содержатся комментарии и разъяснения, касающиеся научных данных (*Некоторые понятия изучения о бесконечности, Понятие тождества в математической логике, К истории термина „антиномия”* и др.) и посылок религиозного знания, данных из религиозных источников (*Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению Слова Божия; Заметки о Троичности*). Есть в системе этого метатекста и сравнительно-сопоставительные данные научного и религиозного дискурсов (*Иррациональность в математике и догмате, Эстетизм и религия, Бирюзовое окружение Софии и символика голубого и синего цвета*). Указанное антиномичное соотношение маркируется терминами: с одной стороны, это термины науки – *понятие, бесконечность, задача, иррациональность, математика, тождество, время, методология, термин, антиномия, знаки, формулы, логистика, историческая критика*, с другой – религии и философии – *догмат, учение Слова Божия, икона Благовещения, София, религия, Троичность* и т. д. Как видим, те и другие термины отсылают нас к различным областям научного и религиозного знания, свидетельствуют о желании охарактеризовать предмет познания – истину – в пределе его, с взаимоисключающих сторон, содержащих систему дискурсивных множеств (математика, логика, история, эстетика, лингвистика и т. д.; Библия, учение о Софийности, всеединстве и др.).

Теодицею (*Столп и утверждение истины*) дополняет антроподицея (от греч. *человек и справедливость*) – „оправдание человека”. „Как цельное произведение, – пишет игумен Андроник (А.С. Трубачев), – антроподицея не была написана. К ее тематике относятся два больших цикла, выросших из лекций в Московской Духовной Академии, – *Философия культа* и *У водоразделов мысли*, а также работы по философии искусства. В теодицее человек разумом испытывает Бога и находит, что Он – Сушая Правда, Спаситель. В антроподицее человек испытывает себя, обретает себя «ложью» и нечистотой, усматривает свое несоответствие образу Божию и правде Божией и необходимость очищения»⁸. В теодицее автор находит истину в Горнем мире, в антроподицее истина вырисовывается как пребывающая в мире дольном.

⁷ Одна из наиболее пространных маргиналий посвящена этимологии слова „истина”. См.: П.А. Флоренский, *Столп и утверждение истины*, указ. соч., т. I, ч. 1, с. 16 и посл.

⁸ И. Андроник (А.С. Трубачев), *Антроподицея священника Павла Флоренского*. В: П.А. Флоренский, *У водоразделов мысли*, Москва 1990, с. 351–352.

Антроподицея, как и теодицея, основана на философии *единосущия*, опирается на догмат о Троице. Стремление человека к богоподобию, по Флоренскому, не вносит в него инородного, очищая от внешнего, т. к. человек создан „по Христову образу”⁹. Таким образом, и здесь внутренняя антиномия налицо. Антроподицея содержит научные изыскания (она онтологична) и религиозные поиски (теологична).

Если троица единосущая – это гармоническое единство, то самопостижение истины связано с несовершенством человеческой природы и познания. Триединство, или триада, – это синтез, полнота и совершенство, диада – орудие анализа, способ постижения истины. В качестве конкретизации понятия, лежащего в основе анализа, П. Флоренским называется *антиномия*.

Парадигматически антиномия в текстах Флоренского вводится в систему интертекста, в то соотношение текстов, где антиномия нашла, с одной стороны, научное обоснование, с другой – теологическое. Первая часть антиномии парадигматически опирается на тексты Гераклита, Парменида, Платона, Николая Кузанского, Гегеля, Фихте, Шеллинга, Ренувье, Канта (на это указывают имена и система цитирования в тексте *Столпа*). В метатекстовом комментарии *К истории термина „антиномия”* называются имена *Кванталиана, Августина (бл.), Гермогена, Плутарха, Гоклена, Шовена* (авторы философских словарей XVI–XVII). Термин *антиномия* попал к Канту, считает Флоренский, из римского права, „с Канта положение антиномии как термина сразу же... упрочилось, ...пользование ...распространилось”¹⁰.

Кроме философского интертекста присутствует интертекст специальных дисциплин, данный уже в комментариях к обеим частям (текст и метатекст) *Столпа*. Лингвистика представлена именами: Гумбольта, Поттебни, Штейнталля, Генри, Житецкого; математика – именами Пуанкаре, Черчилза, Жегалкина, Больцано; называются физики и механики, социологи; логика представлена именами: Аристотель, Рикерт и др. Что касается второй – наиважнейшей – теологической части антиномии, то развитие идет в опоре на Священную книгу – Библию, а в ней на *Книгу Иова*, „религиозную догматику апостола Павла” (*Послание к Коринфянам*) и др. При этом антиномия определяется как „конструктивный элемент религии”, если „мыслить о ней рассудочно”. В систему интертекстуальности попадает и Достоевский с его рефлексией на религиозные догматы.

Осмысление антиномии ведется в системе логических посылок. Знание дается в виде некоторого суждения, считает П. Флоренский, то есть как синтез некоторого подлежащего S с некоторым сказуемым P. Отсюда не исключается и суждение аналитическое, даже суждение тождественное, „ибо в них подлежащее и сказуемое в каком-то смысле разны, – должны быть сперва различны,

⁹ П. Ф л о р е н с к и й (священник), *Словесное служение: богословские труды*, сб. 17, Москва 1977, с. 186.

¹⁰ П. Ф л о р е н с к и й, *Столп и утверждение истины*, указ. соч., т. 1, ч. 2, с. 584.

чтобы затем быть соединенными. Но если всякое суждение – синтез некоторой двойственности, то почему же не могло бы быть и иного синтеза – синтеза данного подлежащего S с другим сказуемым, с P? Далее, почему не могло бы быть соединения данного S с отрицанием P, с не-P?»¹¹.

Истина потому и есть истина, по Флоренскому, что не боится никаких оспариваний; а не боится их потому, что сама говорит против себя более, чем может сказать какое угодно отрицание; но это самоотрицание свое истина сочетает с утверждением. „Для рассудка истина есть противоречие, и это противоречие делается явным, лишь только истина **получает словесную формулировку**. Каждое из противоречащих предложений содержится в суждении истины и потому наличие каждого из них доказуема с одинаковой степенью убедительности – с необходимостью. „Тезис и антитезис вместе образуют выражение истины. Другими словами, истина есть антиномия, и не может быть таковою”¹².

Флоренский дает дефиницию антиномии: „Антиномия есть такое предложение, которое, будучи истинным, содержит в себе совместно тезис и антитезис, так что недоступно никакому возражению”¹³.

В антроподицее П. Флоренского (в частности, в работах по лингвистике) развивается мысль об антиномичности языка, более того, антиномичность языка является свидетельством фундаментальной антиномичности истины.

По Флоренскому, ни тезис, ни антитезис не дают языка. Порознь они „обеспечиваются и перестают рождать мысль”. Язык творим в речевой деятельности, один путь его – через эмоциональность – к „за-умности” и от „за-умности” к нечленораздельности. В результате он теряется в стихии шумов, свистов и т. д. „...непосредственность языка неминуемо превращается в бессмысленность...”. Другой путь – путь монументального, общего в языке – языке как таковом ведет через рассудочность и опустошается „в ограниченности отъединенного разума”. Оба пути уничтожают язык. Значит, в результате третий путь – „неразрывность языковой антиномии”. Антиномия языка Флоренским рассматривается как существенная противоречивость¹⁴.

Оба полюса антиномии должны находиться в гармоническом равновесии, кроме того, язык должен постоянно иметь в основе напряженность антиномии как целого. Таким образом, совершенство, „крепость” языка связаны с кристаллизацией его антиномичности. При этом наука и теософия, которая, по Флоренскому, – язык, – две руки одного организма языка. Ядро языка – „слово созревшее”¹⁵.

По Флоренскому, человеческий разум постоянно впадает в противоречие, т. к. истина – это суждение „самопротиворечивое”. Именно религиозный

¹¹ Там же, с. 146.

¹² Там же, с. 146–147.

¹³ Там же, т. II, ч. 1, с. 152.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, с. 154.

догмат как объект веры включает рассудочную антиномию. Ему в дискурсе Флоренского противопоставлено научное познание (положение): „Верить тут нечему, очищать и творить подвиг – не для чего”¹⁶, т. к. само по себе научное положение не содержит антиномии. Осмысля научный дискурс, П.А. Флоренский справедливо основывался на законе *исключенного третьего*, по которому объект исследования не может быть осмыслен на основе *взаимоисключающих характеристик*. Отсюда, по мысли Флоренского, – ограничение одной стороной, а это, по его мнению, – смысл ереси, в результате – партия, секта, философская школа. Таким образом, анализируя именно религиозное знание, Флоренский подходит к выводу о необходимости взаимоисключающих характеристик объекта, об их *дополнительности*. Термин *дополнительность* Флоренский использует несколько раз. Вот один из примеров: „Жизнь бесконечно полна рассудочных определений, и поэтому ни одна формула не может вместить всей полноты жизни. Ни одна формула, значит, не может заменить самой жизни в ее творчестве, в ее ежемоментном и повсюдном создании нового. Следовательно рассудочные определения всегда и везде подвергаются и неизбежно будут подвергаться возражениям. Возражения на формулу и суть такие формулы, такие противосуждения, которые сходят из сторон жизни дополнительных к данной (подч. нами – К.Ш.), из сторон жизни противных и даже противоречивых в отношении этой, оспариваемой формуле”¹⁷.

Как ни парадоксально, но говоря о догмате веры и противопоставляя его научному знанию, основанному на законе исключенного третьего, Флоренский, независимо от логиков Н. Васильева и М. Брауэра, приходит к построению новой логики – логики N-измерений, если взять во внимание основы его *круглого мышления*, при котором, анализируя и восходя по ступеням постижения истины, мы возвращаемся, приобретая что-то новое, и уже основываясь на нем, и „захватывая” этот новый элемент, восходим на новую ступень (новый круг) бесконечной спирали. Что же касается термина *дополнительность*, то это один из наиболее важных общенаучных принципов и терминов в системе современного знания. Принцип *дополнительности*, или *квантовую логику*, ввел в научное познание Н. Бор уже в двадцатых-тридцатых годах. Таким образом, П. Флоренский, предвосхитив научное открытие Бора, наглядно показал, что науке требуется *дополнительность мышления*. Интересно отметить и то, что термин *дополнительность* появляется в работах поэта К. Бальмонта: „Давно было сказано, что в начале было Слово. Было сказано, что в начале был Пол. И в том, и другом догмате нам дана часть правды. В начале, если было начало, было Безмолвие, из которого родилось Слово по закону дополнения, соответствия, двойственности”¹⁸.

Показательно, что закон дополнения выводится Бальмонтом из религиозного догмата и используется в процессе осмысления поэзии. Следует отме-

¹⁶ Там же, т. II, ч. 1, с. 160.

¹⁷ Там же, с. 146.

¹⁸ К. Б а л ь м о н т, *Поэзия как волшебство*, Москва 1916, с. 8.

титель, что гораздо раньше, в 1904 году (в это же самое время Флоренский начинает публиковать свое учение об антиномии), появляется статья *Истины* В. Брюсова, а далее *Синтетика поэзии*, *Пророк*, в которых утверждается, что антиномия – сущность всякого истинно художественного произведения.

В 1910 году была опубликована *Воображаемая логика* Н. Васильева. Задачей Н. Васильева было доказать, что аристотелева логика – только одна из возможных логических систем. „По аристотелевой логике имеется только утвердительное суждение о предметах и фактах непосредственно, т. е. основано на восприятии и ощущении, а отрицательные всегда выводное. Но можно предположить иной мир (иное измерение), где отрицательные суждения имеют такой же непосредственный характер, как и утвердительные, где „самый опыт без всякого вывода убеждает нас в том, что S не есть P”¹⁹.

Таким образом, возможно предположение, что в иной логике непосредственное восприятие порождает два вида суждения: утвердительное и отрицательное, и тогда „возможно, что в каком-нибудь объекте совпадут зараз основания и для утвердительного и для отрицательного суждений”. Такие суждения Васильев называет „индифферентными” и обозначает так: „S есть и не есть A зараз”²⁰.

Флоренским была установлена логика познания истины, в основе которой лежит антиномия. Брюсовым и другими символистами была установлена поэтическая логика (логика антиномии) на основе анализа поэтических текстов. Васильев создал свою *воображаемую логику* по модели *воображаемой геометрии* Лобачевского в системе анализа логических теорий предшественников, Бор создал *квантовую логику*, введя принцип дополнительности на основе изучения дополнительности физических свойств света: свет – одновременно волна и частица (корпускулярно-волновая теория)²¹. Есть ряд других сходных с названными теорий, созданных практически независимо друг от друга философами, теологами, логиками, математиками, физиками. Итак, религиозно-философский метапоэтический, научный дискурсы совпали в определении одного из наиболее продуктивных принципов науки новейшего времени – принципа дополнительности, антиномичного по сути. Динамичная структура этих дискурсов (также основанных на антиномии) способствует порождению все новых и новых модификаций – дискурсов неклассических логик.

В конце XX века, на рубеже эпох, обострился интерес к нетривиальным (неклассическим) логикам, теориям множеств, которые могут быть основанием для противоречивых, но нетривиальных теорий. Наше мышление имеет дело с нечеткими понятиями (нежесткими, размытыми), отражающими не-

¹⁹ Н.А. Васильев, *Воображаемая логика*, Москва 1989, с. 63.

²⁰ Там же, с. 66.

²¹ Об этом подробнее: К.Э. Штайн, *Поэтический текст в научном контексте*, Санкт-Петербург–Ставрополь 1996.

жесткие множества (концепции Л. Заде, Н. Да Косты), где кроме значений *или-или*, а также *а и не-а* имеется значение 'неопределенно'.

Работы Брюсова (1901), Васильева (1910), Флоренского (1914) появляются практически независимо друг от друга, но поражают близостью формулировок, совпадением даже терминологическим. Все три исследователя шли различными дорогами в поисках наиболее адекватных критериев построения теории, имеющей наиболее полный охват исследуемого объекта. Это породило связную структуру идей и особый вид гипертекста в эпистеме нового времени. Думается, что наиболее неожиданные результаты (еще не оцененные по достоинству) содержатся в религиозно-философском дискурсе П. Флоренского: нетривиальные принципы, которые лежат в основе научного знания нового и новейшего времени, получены в ходе приобретения автором религиозного опыта и его научного осмысления. Знание Истины стало знанием об Истине.